

ЛИТТЕР

**Ежедневная республиканская
общественно-политическая газета**

Сотри случайные черты

Какое кино нам не нужно – на эту тему рассуждает известный общественный деятель, писатель и поэт Олжас Сулейменов. Мэтр не разделяет позиции некоторых казахстанских кинодеятелей, готовых за деньги налогоплательщиков снимать свои фильмы для так называемого узкого круга эстетов. И если даже та или иная казахстанская кинокартина завоевывает диплом какого-либо второсортного кинофестиваля, где крутят фильмы развивающихся стран третьего мира – это никого не должно вводить в заблуждение. Есть только один критерий подлинности искусства кино – любовь к нему со стороны народа. От себя же отметим: Олжас Омарович стал частым гостем в казахстанских СМИ, что позволяет высказать предположение – в ближайшей перспективе он намерен играть более активную роль в жизни страны. По крайней мере, в сфере культуры.

Я приехал в Казахстан на годовое заседание Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО. Казахстан внес предложение провозгласить 2010-й Годом сближения культур. Генеральная конференция ЮНЕСКО и Генеральная Ассамблея ООН в прошлом году проголосовали за это. На проходящей в эти дни сессии исполсовета ЮНЕСКО я выступил с напоминанием, что Год сближения культур уже сейчас требует плана мероприятий, которые пройдут не только в штаб-квартире организации, но и по всей планете. Кризисные трудности помешали театрализованно отметить в майском Париже 500-летие эпоса «Кыз-Жибек». Об этом с сожалением говорил на заседании И. Тасмагамбетов. Он уже пятнадцать лет руководит национальной комиссией и, думаю, как никто понимает, насколько подобные акции способны повысить степень известности и авторитет национальной культуры. В мире сохранилось немного произведений устного творчества такой поэтической силы и такой древности, как наш эпос «Кыз-Жибек», и грех не поведать о нем, воспользовавшись юбилейной датой. Национальная комиссия приняла решение поискать внебюджетные источники, а проще – спонсоров для проведения в этом году знаменательного вечера в зале ЮНЕСКО. Миллиардеров стало меньше, но в подобных случаях расчет, конечно, не на них.

Мероприятия 2010 года должны напомнить человечеству, что процесс сближения культур должен осуществляться в любой стране и в регионах, по всей планете постоянно – каждый день и каждый год. Мы должны узнавать друг друга, чтобы увидеть не только отличия, но и то общее, что нас объединяет. Увидеть лучшее в каждом народе, в каждой из культур. Вот это требование, на мой взгляд, является на сегодня главным критерием оценки любого произведения искусства, представляющего народ. Мне решительно неинтересны поделки, в стилистике которых преобладают давно устаревшие тенденции «авангардизма», «неонатурализма» и прочих проявлений

«революционного искусства». Мир опять возвращается к природной красоте. Что такое искусство? Это, конечно, прежде всего – красота. А что есть красота? На этот вопрос пытались ответить многие поэты. «Сосуд она, в котором пустота? Или огонь, мерцающий в сосуде?» (Н. Заболоцкий). Но как часто огня, возможно, сияющего в лампе, не видно сквозь закопченное, заляпанное грязью стекло формы.

Особая роль в процессе сближения культур и в наше время отводится кинематографу. Не случайно Ленин призывал государство не жалеть средств на развитие «важнейшего из искусств» потому, что «нет лучшей трибуны для пропаганды и агитации». Я добавлю – для пропаганды национальной культуры.

27 апреля с.г. в одном из залов ЮНЕСКО открылись Дни кино Казахстана. Были показаны три наши новые картины с французскими субтитрами. Я не ошибся, прогнозируя реакцию интернационального зрителя на каждый фильм из трех.

29 апреля в астанинском кинотеатре «Самрук» состоялась премьера фильма «Махамбет». Министр культуры и информации Мухтар Кул-Мухаммед говорил залу перед началом сеанса о своей уверенности, что зрителям картина понравится, так же как понравилась ему. Он смотрел ее за месяц до премьеры в день праздника Наурыз. Включил телефон только после просмотра, позвонил мне, рассказал о своих впечатлениях. Я слушал его и понимал, что до этого ему пришлось увидеть несколько новых работ «Казахфильма», которые могли доставить ему, как министру культуры, радости много меньше, чем тягостных сомнений: надо ли в эти трудные для бюджета годы и дальше тратить немалые государственные средства на упражнения неумелых сценаристов и режиссеров? Во имя чего?

Мне понятны все эти вопросы и тревоги: я поработал в кино и, как автор (первый фильм «Земля отцов», режиссер Ш. Айманов, вышел в 1964 году), был руководителем Союза кинематографистов и председателем Госкино Казахстана. Отвечал в правительстве не только за качество и количество лент, выпускаемых «Казахфильмом», но и за кассовый сбор. Казахстанские кинотеатры в год продавали по 250 миллионов билетов. Больше, чем было населения СССР. И мы государству возвращали в три раза больше рублей, чем получали из бюджета на производство и прокат.

Сегодня прокатная система разрушена, отделена от государства. И потому правительство выделяет средства на производство кинофильмов без надежды на возврат. Правильнее было бы сформулировать цели этих безвозвратных потерь более емко – «на развитие национальной кинематографии». А слово «развитие» предполагает, во-первых, не просто освоение бюджетных средств, а с целью производства фильмов, формирующих в мире художественный и документальный образы Казахстана – его исторической и современной культуры. Время и ситуация требуют именно так – прямо и конкретно ставить вопросы взаимоотношения государства и фильмопроизводства. Надо начинать требовать такую работу с имеющегося в наличии кадрового состава «Казахфильма» и частных киностудий,

пользующихся финансовой поддержкой государства.

А во-вторых, активно готовить молодых кинематографистов. Я узнал из прессы, что 17–18 апреля в Алматы состоялся фестиваль студенческих фильмов «Дидар» по инициативе Института искусств им. Жургенова (я называю его по старинке: сейчас он – Академия искусств. «Академий» разных возникло столько, что термин этот успел девальвироваться. «Институт» звучит более уважительно). Сообщается, что в фестивале участвуют студенты из разных вузов республики. И каждый год количество заявок увеличивается.

Этот способ выявления талантливых сценаристов, режиссеров и операторов имеет свою историю. И я рад случаю вспомнить о ней, чтобы опыт студенческого фестиваля получил продолжение в практике профессионального кинематографа.

В 1980 году меня избрали первым секретарем Союза кинематографистов КазССР. С первых дней занялся углубленным изучением вопроса подготовки кадров. ВГИК (Всесоюзный государственный институт кинематографии) каждый год выпускал дипломированных специалистов. На «Казахфильме» в штате – более пятидесяти дипломированных режиссеров, а снимать кино было некому. Значит, что-то проглядели в системе подготовки специалистов. Во ВГИК подавали заявление выпускники школ. Пять лет им показывали зарубежные фильмы, получившие призы на фестивалях, и студенты привыкали к мысли, что фестиваль – это есть вершинная цель, на которую киношнику следует ориентироваться в своей работе. А в киношно-фестивальном мире под влиянием группы эстетствующих интеллектуалов сложилось деление кинематографа на «кино для масс» и «кино для элиты», где поощрялся поиск новых художественных приемов и способов выражений «своего я». И сотни выпускников потратили жизнь на поиски этого «я». Искомое чаще всего напоминало тень черной кошки Конфуция, которую надо было искать в темной комнате, не зная, что ее туда никто и не впускал. Эти поиски поощрялись критиками, научившимися искусно восторгаться несуществующими одеяниями голых королей. Такие оценщики часто встречаются в жюри второразрядных фестивалей, где уделяют внимание и «шедеврам третьего мира». Призы, полученные на них, никого из профессионалов не могут обмануть. Как дипломы университетов из Сары-Агача не спутаешь с дипломами Гарварда или Кембриджа. Однако на наше киноначальство грамоты, полученные на окраинных фестивалях, до сих пор действуют завораживающе. Они дают право на получение следующей постановки, в результате которой на экранах появляется еще один конфуз. ...В Союзе кинематографистов я создал курсы подготовки вторых режиссеров, на которые после оповещения в печати записались десятки молодых людей. С любым высшим образованием. Каждый вторник мы до обеда вместе смотрели фильмы и «для масс» и «для элиты». А после обеда до вечера обсуждали. И так – несколько месяцев, пока меня не уговорили возглавить Госкино. Главное, что повлияло на принятие такого решения, – в «Министерстве кино» были деньги, которых не было в Союзе

кинематографистов. И я смог перейти к следующему этапу подготовки специалистов. Наиболее продвинутым курсантам дал возможность снять трехминутный сюжет. Сам курсант должен был придумать сценарий, написать режиссерскую экспликацию, поработать с оператором и с актером, подобрать музыку. Около тридцати трехминуток. Полтора часа экранного времени. Потратили бюджет полнометражного фильма, но зато проверили способности тридцати кандидатов в режиссеры. Все трехминутки мы посмотрели сообща, обсудили. Только у нескольких проявились способности, которые могли развиваться в дарование, а потом, при надлежащем развитии, и в талант. Таким я дал снять по двадцатиминутному короткометражному фильму. На тех же условиях. Кажется, у девяти получились результаты неплохие. Этих можно было теперь учить во ВГИКе на режиссеров. Мы посылали в институт теперь не просто десятиклассника, а человека, уже получившего одно высшее образование, определенный кругозор, умение анализировать кинопроизведение и проявившего способность переносить литературные образы на экран. То есть начальное кинообразование абитуриент должен получать на месте – подышав атмосферой сценарных коллегий, съемочных павильонов, натуральных площадок и монтажных. И если этот первый творческий вступительный экзамен он сдал, тогда можно допускать к следующим, обычным. Вот такой был вывод. И с ним я пошел к Ф.Т. Ермашу, председателю Госкино СССР. Рассказал о нашем эксперименте и попросил поддержать продолжение. И он поддержал. Разрешил создать во ВГИКе «казахский курс» во главе с мастером – Сергеем Соловьевым. В институт на этот курс были приняты наши курсанты. Но проследить их дальнейшую творческую судьбу я не смог – перешел на работу в Союз писателей, потом началась перестройка, завершившаяся развалом страны. Обрушилось, конечно, и кино. Сейчас государство снова обращает внимание на «важнейшее из искусств». Надо бы рационально использовать этот момент. Мой опыт позволяет говорить и в назидательном тоне. Необходимо упорно пытаться делать кино наше смотрбельным. Для этого необходимо подготовить новые кадры режиссеров и сценаристов «правильной ориентации». То есть стремящихся делать кино для миллионов, а не для эстетствующих единиц в фестивальных коллегиях.

Недавно на «Казахфильме» побывал Тимур Бекмамбетов: «Я хотел бы сделать фильм, который бы стал массовым зрелищем, и не только для Казахстана, но и во всем мире. Мы хотим сделать такой кинопроект, который бы принес не только имиджевые, но и экономические дивиденды Казахстану». Это – правильная ориентация. И молодежь, которая самодеятельно снимает видеофильмы для фестиваля «Дидар», должна такую установку сделать для себя главной.

Тимур, говоря о делах «Казахфильма», отметил: «К сожалению, фильмы, которые снимаются здесь, не имеют зрителей». Добавлю, самое печальное – не имеют зрителей у нас, в Казахстане.

В новом казахстанском журнале «Территория кино» приводятся цифры

проката. Кассовые сборы отечественных фильмов в 2008 году. Среди них четыре свежих, произведенных «Казахфильмом»: «Подарок Сталину» собрал 63 тыс. долларов, «Мустафа Шокай» – 42 тыс., «Прощай, Гульсары» – 29 тыс., «Баксы» – 14 тыс. Сообща – около 150 тысяч. А государство на производство этих лент потратило в сотни раз больше. Вот такая экономика. И если бы, утешения ради, получилось настоящее художественное кино, а то так себе – игровое. Теперь их повезут по фестивалям, где выпросят несколько грамоток. Востоком кинофестивали давно интересуются. Даже весьма представительные. На прошлогоднем Каннском в программе «Особый взгляд» получил приз «Тюльпан».

Я согласен с киноведом Гульнарой Абикеевой, которая называет жанр этого фильма – этнографическая спекуляция («Территория кино», 1–2, 2009, стр. 56). Она приводит мнение одного из зарубежных ценителей этой расхваленной ленты: «А я видел один казахский фильм «Тюльпан». В Каннах. Мне понравилось. Очень смешной. Я хохотал без остановки». – «А что же там было смешного?» – «Да все: большие уши главного героя; больной, все время вопящий верблюд; смешная семья этой девочки по имени Тюльпан. А вам не было смешно?» И киновед с грустью отвечает: «Мне не было смешно».

Авторский коллектив, собранный в Москве и Польше, снял фильм, унижающий Казахстан. На деньги казахстанских меценатов. (Лучше бы они нашли деньги на презентацию «Кыз-Жибек» в Париже.) Но зато получили приз, да еще какого фестиваля!

Утешает одно, что картина и дня не выдержала в прокате. Ни в казахстанском, ни в международном.

Я надеюсь, что наши кинематографисты не пойдут этой дорогой. Хотя, листаю «Территорию кино» дальше. Рекламируется новый фильм «Казахфильма» и статья редакционная заканчивается пафосно: «...есть картины, которые пишут историю современного казахстанского кинематографа, участвуя в международных кинофестивалях, тем самым зарабатывая высокий авторитет нашему отечеству как кинодержаве, в которой создается высокоинтеллектуальное художественное кино. Вот к такой категории относится и фильм «Келин» Ермека Турсунова». Текст, приведенный, помещен рядом с портретом хвалимого автора и справкой: «Ермек Турсунов – специалист, режиссер, самый плодотворный сценарист казахского кино последних лет. Фильмы, поставленные по его сценариям: «Мустафа Шокай» (2008), «Келин» (2009). При участии Е. Турсунова: «Подарок Сталину» (2008), «Баксы» (2008)». Как раз те, о прокатной судьбе которых мы говорили. И «Келин», думаю, изначально рассчитывалась на фестивальную успех.

Я вспомнил слова другого поэта: «Сотри случайные черты, и ты увидишь – мир прекрасен!». Они словно напрямую адресованы современным художникам. У меня же после просмотров на DVD нескольких новых наших картин такое ощущение, что казахстанские кинематографисты до сих пор увлечены затянувшимся любованием случайных черт. И пытаются

продолжить это бесплодное занятие, которое искусством не надо называть. Сегодня надо всерьез говорить о судьбе национального кино. Разговор такой начался в России. На недавно прошедшем съезде российских кинематографистов некоторые выступающие предлагали такую простую схему. Госказна финансирует постановку, а студия после проката фильма возвращает государству ранее полученные средства в полном или контрактом обусловленном объеме. А то, что заработано сверх, оставляет себе для развития. Система своеобразного кредитования и инвестирования. Такая схема могла бы избавить постановщиков от заведомо ложной нацеленности на фестивального зрителя и ориентировала бы казахстанское кино прежде всего на казахстанского зрителя. Надо с молодых ногтей внушать нашим киношникам, что показ твоего фильма на родной земле – это и есть тот фестиваль, где ты обязан стремиться к победе. Здесь твой главный зритель, и он должен почувствовать, что эта картина снималась для него, а не для разных смешливых оценщиков.